

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Всегда приятно читать
детективные истории
о Ниро Вулфе.
Он органично вошел
в нашу жизнь...
Как Шерлок Холмс...

*New York Times
Book Review*

• ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НИРО ВУЛФА •

РЕКС СТАУТ

Второе
признание

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут

Второе признание

«Азбука-Аттикус»

1949

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стаут Р. Т.

Второе признание / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1949 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-19194-5

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. Вулф берется за одно дело и получает предупреждение по телефону, а его оранжерею с орхидеями расстреливают из автоматов. К тому же погибает молодой человек, о деятельности которого Вулф должен собрать информацию, и его смерть оказывается связанной с Арнольдом Зеком...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-19194-5

© Стаут Р. Т., 1949
© Азбука-Аттикус, 1949

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Рекс Стаут

Второе признание

Rex Stout

THE SECOND CONFESSION

Copyright © 1949 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Анастасии Рудаковой

© А. А. Рудакова, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

– Я вовсе не против, – грубовато, но вполне приветливо проговорил наш посетитель. – У вас тут хорошо. – Он огляделся кругом. – Нравятся мне эти типично мужские кабинеты. Отличное местечко.

Я никак не мог оправиться от удивления: он и впрямь выглядел как шахтер. По крайней мере, именно таким мне виделся настоящий горняк: могучее сложение, грубая, обветренная кожа, руки, в которые так и просится кайло. Уж конечно, председатель правления Корпорации континентальных шахт, которая располагала собственным зданием на Нассо-стрит, неподалеку от Уолл-стрит, зарабатывал на жизнь отнюдь не с помощью кайла.

Немало удивил меня и его тон. За день до того я услышал в телефонной трубке энергичный голос. Человек на том конце провода представился и спросил, когда Ниро Вулф сможет заглянуть к нему в контору. Я объяснил, почему мне придется сказать: «Никогда», и в конце концов на следующее утро в одиннадцать была назначена встреча у Вулфа. Затем я, как всегда, навел справки о будущем клиенте, позвонив Лону Коэну из «Газетт». Лон сообщил мне, что единственная причина, по которой Джеймс Ю. Сперлинг не станет откусывать вам уши, заключается в том, что обычно он сразу заглатывает голову целиком. И вот он сидит перед нами, развалившись в стоявшем у стола Вулфа красном кожаном кресле, – этаким добродушный здоровяк, и когда Вулф, начиная разговор, объяснил, что никогда не покидает дом ради дела, и выразил сожаление, что Сперлингу пришлось самому явиться к нам, на Западную Тридцать пятую улицу близ Одиннадцатой авеню, гость произнес те самые слова, что я уже приводил в начале. «У вас тут хорошо», – сказал он!

– Сойдет, – пробормотал довольный Вулф. Он сидел за своим письменным столом, откинувшись на спинку сделанного по особому заказу кресла, которое было способно выдержать вес до четверти тонны и в один прекрасный день могло бы пройти испытания на практике, достигни габариты его владельца таких размеров. – Если вы расскажете о своих затруднениях, – добавил Вулф, – возможно, я сумею устроить так, чтобы ваш визит оказался ненапряжным.

Устроившись на своем рабочем месте под единственно верным по отношению к столу Вулфа углом, я позволил себе украдкой усмехнуться. Состояние его банковского счета не вызывало необходимости обхаживать клиента, но я-то знал, отчего он столь медоточив. Просто Сперлинг похвалил его кабинет. Вулфу не просто нравился кабинет, находившийся на первом этаже принадлежавшего ему старого особняка из песчаника. Нет, он не просто нравился Вулфу – Вулф его обожал, и правильно делал, ведь здесь протекала вся его жизнь, за исключением того времени, которое он проводил в кухне у Фрица, в столовой, расположенной дальше по коридору, где трапезничал, наверху в спальне или в оранжерее на крыше, где любовался орхидеями и прикидывался, будто помогает Теодору.

Мои ехидные размышления прервал внезапный вопрос Сперлинга:

– Вы Гудвин, верно? Арчи Гудвин? – Я подтвердил его догадку, и он повернулся к Вулфу. – Это дело конфиденциальное.

– Как и большинство дел, обсуждаемых в этих стенах, – кивнул Вулф. – В детективных агентствах такое не редкость. Мы с мистером Гудвином уже привыкли.

– Это дело семейное.

Вулф нахмурился, и я тоже. После подобного начала смело можно ставить двадцать к одному, что сейчас нас попросят шпионить за его женой, а мы этим не занимаемся. Однако Джеймс Сперлинг добавил:

– Я вас предупредил. Вы все равно узнаете. – Он сунул руку во внутренний карман пиджака и вытащил оттуда пухлый конверт. – Хотя бы из этих вот отчетов. Они предоставлены мне детективным агентством Бэскома. Слыхали о таком?

– Я знаю мистера Бэскома. – Вулф по-прежнему хмурился. – Не люблю работать на вытоптанной земле.

Сперлинг как ни в чем не бывало продолжил:

– Я уже имел с ними дело и знаю, что это люди опытные, поэтому пришел к Бэскому и на сей раз. Мне потребовалась информация о человеке по имени Рони, Луис Рони. Но они работали целый месяц и ничего не выяснили, а время поджидает. Вчера я решил расстаться с ними и обратиться к вам. Я навел справки: если вы действительно заслуживаете своей репутации, надо было с самого начала идти к вам. – Он улыбнулся ангельской улыбкой, чем снова изумил меня. Стало ясно, что этот будет держать ухо востро. – Судя по всему, вам нет равных.

Вулф, стараясь не выдать, что он польщен, проворчал:

– Есть один человек в Марселе, но он далеко, к тому же не говорит по-английски. Какая информация о мистере Рони вам необходима?

– Мне нужны доказательства, что он коммунист. Если вы их добудете, и добудете быстро, сможете выставить мне какой угодно счет.

– Я не берусь за работу на таких условиях, – покачал головой Вулф. – Вы не уверены в том, что он коммунист, иначе не стали бы предлагать столь щедрую оплату. Если он все-таки не коммунист, я не сумею доказать обратное. Что до моих счетов, то я всегдаставляю такие, какие хочу. Однако беру деньги за сделанную работу и не смогу исполнить того, что исключается обстоятельствами. Выяснить можно далеко не все, есть неизбежные пределы, но ни моим усилиям, ни гонорарам предела нет.

– Вы слишком много говорите, – нетерпеливо, но не грубо заметил Сперлинг.

– Разве? – Вулф вскинул на него глаза. – Тогда говорите вы. – Он кивнул в мою сторону. – Блокнот, Арчи.

Шахтер дождался, когда я достану блокнот и открою его на новой странице, а затем решительно приступил к делу, для начала продиктовав по буквам имя:

– Л-у-и-с. Р-о-н-и. В манхэттенской телефонной книге есть и его адвокатская контора, и дом, и квартира... В общем, здесь все, что надо. – Он указал на пухлый конверт, брошенный им на стол Вулфа. – У меня две дочери. Маделин двадцать шесть лет, Гвен – двадцать два. Гвен умничка, год назад она с отличием окончила колледж Смит, я почти уверен, что с мозгами у нее все в порядке, но она чертовски любопытна и к тому же презирает общепринятые правила. Девчонка еще понятия не имеет, что право на независимость надо заработать. Конечно, романтика в ее возрасте вполне позволительна, но не до такой же степени! Думаю, этот тип, Рони, привлек ее именно своей репутацией защитника слабых и угнетенных, которую приобрел, спасая преступников от заслуженного наказания.

– Это имя как будто мне знакомо, – пробормотал Вулф. – А тебе, Арчи?

– Мне тоже, – кивнул я. – Пару месяцев назад он отстоял ту торговку детьми, как ее там звали. Парень так и рвется на первые полосы газет.

– Или в тюрьму! – отрезал Сперлинг, и в его голосе не осталось ничего ангельского. – Сдается мне, я не сумел с ней сладить, и жена моя, черт побери, тоже! Бог знает, сколько родителей наступают на те же самые грабли. Мы даже отказали ему от дома, но вы же понимаете, к чему это привело. Единственная уступка, на которую она пошла, и сомневаюсь, что эта уступка была сделана нам, – всегда являться домой засветло.

– Она беременна? – спросил Вулф.

Сперлинг остолбенел:

– Что вы сказали?

Голос его внезапно сделался тверже самой твердой руды, какую только можно сыскать в земных недрах. Он явно ждал, что его тон заставит Вулфа пойти на попятный, но этого не произошло.

– Я спросил, не беременна ли ваша дочь. Если этот вопрос несуществен, я снимаю его, но он отнюдь не нелеп. Ну разве только она заодно с общепринятыми правилами презирует и законы природы.

– Она моя дочь, – тем же категоричным тоном проговорил Сперлинг, затем напряжение неожиданно отпустило его, застывшие мускулы расслабились, и он расхохотался. Он просто стонал от смеха, даже не стараясь сдержаться, но ему быстро удалось взять себя в руки и продолжить разговор. – Вы слышали, что я сказал? – спросил он.

– Если могу доверять собственным ушам, то слышал, – ответил Вулф.

– Можете. – Сперлинг вновь просиял ангельской улыбкой. – Наверное, дочь – слабое место каждого мужчины, но я-то, знаете ли, не каждый. Насколько мне известно, она не беременна, а не то и сама бы сильно удивилась. Дело в другом. Чуть больше месяца назад мы с женой решили исправить ошибку, и жена сказала Гвен, что Рони будут в любое время рады в нашем доме. В тот же день я обратился к Бэскому. Вы совершенно правы, я не могу доказать, что он коммунист, иначе не пришел бы к вам, но я в этом убежден.

– Что заставило вас так думать?

– Его манера выражаться, и впечатление, которое он на меня производит, и то, как он ведет дела... Да и кое-что в отчетах Бэского наводит на эту мысль. Сами увидите, когда прочтете...

– Но мистеру Бэскому не удалось добыть доказательства.

– Да, черт возьми!

– А кого вы называете коммунистами? Либералов? Свободомыслящих интеллектуалов? Членов Коммунистической партии? Где, по-вашему, пролегает граница?

– Это зависит от того, где я и с кем говорю, – усмехнулся Сперлинг. – В некоторых случаях этот термин приложим к любому, чьи взгляды левее центристских. Но с вами я использую его в прямом значении. По моему мнению, Рони – член Компартии.

– Когда вы получите доказательства, если вообще их получите, что будете с ними делать?

– Предъявлю дочери. Но это должны быть именно доказательства. Что я о нем думаю, она уже знает, я давно ей сказал. Разумеется, она передала это Рони, а он посмотрел мне прямо в глаза и заявил, что ничего подобного.

– Возможно, – хмыкнул Вулф, – вы напрасно тратите время и деньги. Положим, вы получите доказательства, но что, если партийный билет лишь подхлестнет чувства вашей дочери?

– Не подхлестнет. На второй год занятий в колледже она заинтересовалась коммунизмом и стала его изучать, но очень быстро бросила. Утверждает, что коммунизм интеллектуально несостоятелен и нравственно нечистоплотен. Говорю же, она умница. – Сперлинг мельком посмотрел на меня и снова перевел взгляд на Вулфа. – Кстати, а как насчет вас с Гудвином? Я уже сказал, что наводил о вас справки, да вдруг промашка вышла?

– Нет, – заверил его Вулф, – хотя доказать это мы сможем лишь на деле. Мы согласны с вашей дочерью насчет коммунизма. – Он посмотрел на меня. – Ведь так?

– Целиком и полностью, – кивнул я. – Мне по душе, как она выражает свои мысли. Меня самого хватает лишь на фразы вроде «красные сволочи».

Сперлинг с подозрением покосился на меня и, очевидно решив, что имеет дело с человеком недалеким, снова повернулся к Вулфу, который продолжал расспросы.

– Как дело обстоит сейчас? – осведомился он. – Может, ваша дочь уже замужем за мисте-ром Рони?

– Господи, нет!

– Вы уверены?

– Уверен. Глупость какая! Впрочем, вы ведь ее не знаете. Скрытность ей несвойственна... И вообще, если она решит выйти за него замуж, то обязательно скажет мне или матери прежде, чем ему самому. Вот как она поступит... – Сперлинг резко умолк и стиснул зубы, но через

мгновение снова разжал их и добавил: – Этого-то я и боюсь – боюсь каждый день. Если она однажды решится – все пропало. Говорю же, время поджигает. Чертовски поджигает!

Вулф откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Сперлинг некоторое время смотрел на него, затем разжал и снова сомкнул челюсти и вопросительно глянул на меня. Я покачал головой. Когда по прошествии нескольких минут он начал сжимать и разжимать свои огромные узловатые кулачищи, мне пришлось его успокоить:

– Все в порядке. Он никогда не спит днем. Ему лучше думается, когда он меня не видит.

Наконец Вулф приподнял веки и заговорил:

– Если вы меня нанимаете, надо кое-что прояснить. Нельзя поручить мне добыть доказательства того, что мистер Рони – коммунист. Я лишь могу установить, существуют ли такие доказательства, и если существуют, то постараться их заполучить. Я охотно возьмусь за это дело, но к чему бессмысленные ограничения? Не можем ли мы уточнить задачу? Насколько я понимаю, вы желаете, чтобы ваша дочь оставила всякие мысли о браке с мистером Рони и перестала приглашать его в ваш дом. Такова ваша цель. Верно?

– Да.

– Так для чего же меня ограничивать? Разумеется, я могу поискать доказательства того, что он коммунист, но вдруг это не так? Или он действительно коммунист, но мы не сможем предъявить вашей дочери свидетельства, которые бы ее удовлетворили? Зачем связывать себе руки из-за одной-единственной надежды, которая, скорее всего, несбыточна, раз уж мистер Бэском, потратив на поиски целый месяц, так ничего и не обнаружил? Почему бы вам не нанять меня для того, чтобы я помог вам достичь цели – не важно, каким способом, конечно, в приемлемых для цивилизованного человека пределах? Тогда я со спокойной совестью возьму у вас аванс в виде чека на пять тысяч долларов.

Сперлинг задумался:

– Он точно коммунист, будь я проклят!

– Понимаю. Вы на этом заикнулись, ничего не поделаешь. Постараюсь начать именно с этого. Но неужели вы хотите исключить остальные варианты решения проблемы?

– Нет, нет. Не хочу.

– Хорошо. Итак, я... Да, Фриц?

Дверь, ведущая в коридор, открылась. Вошел Фриц.

– Мистер Хьюитт, сэр. Говорит, у вас назначена встреча. Я усадил его в гостиную.

– Да. – Вулф бросил взгляд на настенные часы. – Скажи, что я приду через несколько минут. – Фриц вышел, а Вулф опять обратился к Сперлингу: – Итак, я правильно сформулировал вашу цель?

– Абсолютно.

– Тогда я ознакомлюсь с отчетами мистера Бэскома, а после свяжусь с вами. Всего хорошего, сэр. Я рад, что вам понравился мой кабинет...

– Но это срочно! Нельзя терять ни минуты!

– Знаю. – Вулф из последних сил старался быть вежливым. – Срочность – еще одна черта, свойственная делам, обсуждаемым в этих стенах. Сейчас у меня встреча, затем ланч, а с четырех до шести я вожусь со своими орхидеями. Но это не значит, что о вашем деле забудут. Мистер Гудвин немедленно примется за чтение отчетов, а после ланча поедет к вам в контору, чтобы получить недостающие подробности. Скажем, в два часа вас устроит?

Джеймсу Ю. Сперлингу это совсем не понравилось. Видимо, он намеревался посвятить спасению своей дочери от невыносимой участи весь день, не отвлекаясь даже на еду. Он был настолько возмущен, что лишь буркнул в ответ что-то нечленораздельное, когда я, провожая его к выходу, вежливо напомнил, чтобы он ждал меня в своей конторе ровно в два пятнадцать, заодно приготовив чек, чтобы избавить себя от необходимости посылать его по почте. Я

немного задержался, окинув быстрым взглядом его длинный черный лимузин, припаркованный у тротуара, а затем вернулся в кабинет.

Из-за приоткрытой двери гостиной доносились голоса Вулфа и Хьюитта. Поскольку предмет их общего интереса находился наверху, в оранжерее, и кабинет был им не нужен, я взял пухлый конверт, оставленный Сперлингом на столе у Вулфа, и, устроившись поудобнее, приступил к ознакомлению с отчетами Бэскома.

Глава 2

Через пару часов, без пяти два, Вулф поставил на блюдце опустевшую кофейную чашку, отодвинул свое кресло, поднялся, вышел из столовой и направился к лифту. Я, следуя за ним по пятам, поинтересовался у его широченной спины:

– Не заглянуть ли нам прежде минуты на три в кабинет?

Он повернулся:

– Я думал, ты собираешься ехать к нашему бедному папаше.

– Да, но за ланчем вы о делах не говорите, а я прочитал отчеты Бэскома, и у меня есть вопросы.

Он быстрым взглядом оценил расстояние до кабинета, понял, что путь неблизкий, проворчал:

– Ладно, давай наверх, – и снова повернулся к лифту.

Но у меня, как и у него, тоже есть правила, и одно из них гласит: если Вулф заходит в свой персональный лифт, мне там делать уже нечего. Я помчался по лестнице. Этажом выше располагались спальня Вулфа и комната для гостей. Еще выше – моя спальня и вторая гостевая комната. Следующий лестничный марш привел меня на крышу. Сейчас она не была залита ослепительным светом, как зимой, поскольку на дворе стоял июнь и жалюзи были опущены, зато цветущие растения поражали многообразием ярких красок, особенно в среднем помещении оранжереи. Конечно, мне было не привыкать к этому зрелищу, к тому же в данный момент мои мысли были заняты делом, и все равно, проходя мимо бело-желтых *Dendrobium*, находившихся на пике цветения, я невольно замедлил шаг.

Я нашел Вулфа в комнате с горшечными растениями: он снимал пиджак и при моем появлении тут же нахмурился.

– Всего две вещи, – быстро проговорил я. – Во-первых, Бэском не только...

Вулф не дослушал:

– Мистер Бэском обнаружил хоть какие-то связи Рони с Коммунистической партией?

– Нет. Но он...

– Тогда у него для нас ничего нет. – Вулф закатал рукава рубашки. – Обсудим его отчеты после того, как я их просмотрю. Он поручил дело опытным сотрудникам?

– Безусловно. Самым лучшим.

– Выходит, мне незачем нанимать целую армию, чтобы гоняться за призраками, даже на деньги мистера Сперлинга? Представляешь, что это значит: выслеживать коммуниста, если он вообще коммунист, особенно притом, что нам нужны не предположения, а доказательства? Еще не хватало! Я определил цель, и мистер Сперлинг со мной согласился. Поезжай-ка к нему за подробностями. Напросись в гости. Там познакомишься с мистером Рони, понаблюдаешь за ним, а главное, за девицей и постарайся составить о них как можно более полное мнение. Потом назначишь ей встречу, обратишь на себя ее внимание, и, глядишь, через пару недель она о мистере Рони думать забудет – вот цель и достигнута.

– Будь я проклят! – Я укоризненно покачал головой. – Вы предлагаете мне приударить за ней!

– Называй это как хочешь. Я предпочитаю выражаться по-своему. Мистер Сперлинг сказал, что его дочь чрезвычайно любопытна. Вот и переключи ее интерес с мистера Рони на себя.

– Вы предлагаете разбить ей сердце!

– До этого можно не доводить.

– Ага, уж лучше вообще не начинать. – Я притворился, будто пылаю праведным гневом. – Вы заходите слишком далеко! Я люблю свою профессию, и мне нравится, что я мужчина,

со всеми вытекающими отсюда последствиями, но я отказываюсь выступать в роли соблазнителя...

– Арчи! – перебил меня Вулф.

– Да, сэр.

– Если взять всех молодых женщин, с которыми ты познакомился, работая на меня, со сколькими из них у тебя позже установились личные отношения?

– Таких наберется пять или шесть тысяч. Но это не...

– Я просто предлагаю тебе поменять очередность и с самого начала установить с ней личные отношения. Что в этом плохого?

– Да все! – Я пожал плечами. – Ладно. Может, и ничего. Смотря по обстоятельствам. Надо на нее взглянуть.

– Хорошо. Езжай, не то опоздаешь. – И он направился к полкам с химикатами.

Я слегка повысил голос:

– Вообще-то, у меня к вам еще вопрос, вернее, два. Ребятам Бэскома, выслеживавшим Рони, пришлось буквально слоняться без дела. Еще до того, как у него могли зародиться первые подозрения, он точно учуял недоброе и затаился. Уж как они только не изошрялись, но часто и этого было недостаточно. Он знал все их ухищрения, и даже больше того. Коммунист он или нет, но этому его явно не в воскресной школе научили.

– Пф! Он ведь адвокат, верно? – презрительно проговорил Вулф, взял с полки банку с элгетролом и принялся ее встряхивать. – Хватит. Иди же.

– Минутку. Есть кое-что еще. Он трижды в разное время – это случалось в те дни, когда им все-таки удавалось его выследить, – заходил в зоомагазин Бишоффа на Третьей авеню и каждый раз оставался там больше часа. При этом никаких домашних животных у него нет.

Вулф перестал трясти банку с элгетролом, рассеянно посмотрел на нее, словно не понимая, что у него в руках, и поставил обратно на полку, а затем уставился на меня.

– А! – произнес он, оставив прежний резкий тон. – Вот как?

– Да, сэр.

Вулф оглянулся, увидел стоявшее на своем обычном месте просторное кресло, подошел и опустился в него.

Он был поражен, но меня это вовсе не обрадовало. Честно говоря, я предпочел бы упустить эту возможность, однако не посмел. Я слишком хорошо помнил тот голос – твердый, неторопливый, четкий голос, холодный, точно труп недельной давности, – который слышал всего три раза, по телефону. Первый раз в январе 1946 года, второй и третий – двумя годами позже, когда мы искали убийцу, отравившего Сирила Орчарда. Кроме того, я отлично запомнил тон Вулфа, сказавшего после второго звонка: «Мне бы следовало подать тебе знак, чтобы ты повесил трубку, как только я узнал его голос. Я не рассказываю ничего, потому что лучше тебе ничего не знать. Ты должен забыть о том, что знаешь его имя. Если когда-нибудь в ходе моих расследований я обнаружу, что столкнулся с ним и должен его уничтожить, то покину этот дом, подыщу место, где мог бы работать, а также спать и есть, если на это хватит времени, и останусь там, пока не закончу».

За годы работы у Вулфа я не раз видел, как он сражается с закоренелыми негодьями, но ни один из них не заставлял его говорить подобные вещи.

Теперь же он сидел, уставившись на меня так, будто я облил уксусом его бутерброд с икрой.

– Что тебе известно о зоомагазине Бишоффа? – спросил он.

– Да в общем, ничего. Знаю только, что в прошлом ноябре Бишофф приходил к вам и предлагал работу, но вы ответили, что очень заняты, и отказались. А когда он ушел и я начал вам пенять, вы сказали, что работать на Арнольда Зека вам так же неохота, как и ссориться с

ним. Вы не объяснили, откуда вам известно, что этот самый зоомагазин – часть разветвленной организации Зека, а я не стал спрашивать.

– Я уже сказал: забудь его имя.

– Тогда не надо было мне напоминать. Ладно, я опять забуду. Итак, сейчас я спущусь вниз, позвоню Сперлингу и сообщу ему, что вы слишком заняты и потому отказываетесь от дела. Он не...

– Не надо. Поезжай к нему. Ты опаздываешь.

– Какого черта?! – поразился я. – У меня что, с мозгами не в порядке? Если Рони целых три раза за месяц побывал в этом зоомагазине, а может, и того больше, хотя не имеет домашних животных, каждый раз сидел там по часу, я делаю вывод, что он, скорее всего, работает на человека, имя которого я позабыл, и...

– Все правильно. Но дело не в том. Не важно откуда, но я знал о сомнительных связях мистера Бишоффа еще до того, как он ко мне пришел, поэтому сразу ему отказал. Однако с мистером Сперлингом я уже договорился и не могу пойти на попятный. – Вулф бросил взгляд на часы. – Тебе пора. – Он вздохнул. – Если бы за самоуважение не надо было платить такую цену...

Он снова взял с полки банку с элгетролом и начал ее трясти. Мне оставалось только уйти.

Глава 3

Вышеописанные события происходили в четверг, в два часа. Ровно через двое суток, в субботу, я уже стоял на нагретой солнцем мраморной плите размером с мою спальню и, размахивая ярко-голубым полотенцем размером с мою ванную, сгонял назойливую муху с обнаженной ноги Гвен Сперлинг. Неплохо для начинающего соблазнителя, учитывая, что я гостил здесь не под своим именем. Теперь меня звали не Арчи, а Алекс. Я рассказал Сперлингу о предложении Вулфа представить меня его семье, конечно не раскрывая всех карт, а когда он стал возражать против моего знакомства с Рони, объяснил, что для слежки и тому подобных вещей мы можем нанять помощников, я же постараюсь втереться Рони в доверие. Он уступил и пригласил меня провести выходные в своем загородном доме в Стоуни-Акрес, близ Чаппакуа, при условии, что я назовусь другим именем, так как был убежден, что его жене, сыну и старшей дочери Маделин отлично известно, кто такой Арчи Гудвин. Я скромно заметил, что сомневаюсь в этом, и настоял на том, чтобы остаться Гудвином, а не то, представляясь, мне пришлось бы каждый раз напрягать память. Мы сошлись на том, чтобы переделать Арчи в Алекса. Тогда мое новое имя подходило под инициалы «А.Г.», вытисненные на портфеле, который Вулф подарил мне на день рождения. Естественно, я намеревался захватить его с собой, потому что он был изготовлен из кожи карибу и окружающие непременно должны были увидеть эту красоту.

Промелькнувшие в отчетах Бэскома сведения о визитах Луиса Рони в зоомагазин Бишоффа дорого обошлись Сперлингу. Если бы не они, Вулф, безусловно, оставил бы Рони в покое до моего возвращения с уик-энда: столь тривиальное задание не представляло для него никакого интереса, если не считать гонорара, к тому же он отчего-то полагал, будто женщины так и падали к моим ногам, стоило мне только щелкнуть пальцами, хотя в действительности все было куда сложнее. Однако, когда в четверг вечером я вернулся от Сперлинга, Вулф уже висел на телефоне, вызванивая Сола Пензера, Фреда Даркина и Орри Кэтера. А когда в пятницу поутру они явились к нему на совещание, Солу было велено ознакомиться с отчетами Бэскома и изучить прошлое Рони, а Фреду и Орри даны особые инструкции, как установить за ним хитрую слежку. Очевидно, таким образом Вулф платил за самоуважение или позволил Сперлингу платить вместо себя. Однажды, во время третьего, и последнего телефонного разговора с Арнольдом Зеком, он заявил, что при расследовании руководствуется лишь интересами дела и не признает ограничений извне, и вот теперь настала пора доказать это на практике. Если визиты Рони в зоомагазин действительно означали, что он куплен Зеком, и если Зек по-прежнему запрещал вторгаться на свою территорию, то Ниро Вулф обязан был продемонстрировать, что никто не вправе преграждать ему дорогу. У нас была своя гордость. Вот почему к делу оказались привлечены Сол, Фред и Орри.

А на следующее утро, в субботу, я уже мчался по извилистым автострадам Уэстчестера на север, поглядывая на придорожные деревья, одетые пышной листвой, стараясь сохранять спокойствие, когда какой-нибудь незадачливый тихоход упорно плелся по левой полосе, и время от времени совершая стремительный обгон, чтобы не терять формы. Потом я, согласно указаниям, съехал с автострады на второстепенную дорогу и пару миль следовал по ней; далее, проехав между двумя увитыми плющом каменными столбами, свернул на гравийную аллею, немного попетлял по парку, украшенному разнообразными достижениями садоводческого искусства, и наконец очутился на открытом пространстве, перед большим каменным особняком, который, судя по всему, и был тем самым местом, куда я держал путь. Я остановил машину и сообщил печальному малому средних лет в униформе, что я фотограф и меня ждут.

Мы со Сперлингом условились, что я выдам себя за сына его делового партнера, который якобы увлечен фотографией и собирается запечатлеть Стоуни-Акрес для нужд корпорации.

Эта легенда понадобилась нам по двум причинам: во-первых, мне в любом случае надо было как-то представиться, а во-вторых, я хотел получить удачные снимки Луиса Рони.

Четыре часа спустя, перезнакомившись со всеми домочадцами, перекусив и обойдя все поместье, вдоволь нащелкав двумя фотокамерами с самым профессиональным видом, какой мне только удалось на себя напустить, я стоял на краю бассейна и сгонял муху с ноги Гвен. Мы оба только что вылезли из воды, и с нас ручьями текла вода.

– Эй! – воскликнула она. – Не надо хлестать меня полотенцем, пусть лучше муха кусает, если она тут вообще пролетала!

Я заверил ее, что муха была.

– Ладно, в следующий раз сначала предупредите; может, я сама ее прогоню. Не хотите ли снова нырнуть с вышки? Где ваша «лейка»?

Она приятно удивила меня. После рассказов ее папаши я ожидал встретить здесь невзрачную интеллектуалку, однако наружность ее оказалась достаточно интересной, чтобы отвлечь внимание от внутреннего содержания. Сногсшибательной красоткой она не была (с такими-то веснушками!), да и лицо ее – в сущности, вполне милое, – на мой вкус, было, пожалуй, чуть более круглым, чем хотелось бы; но и записывать ее в дурнушки я не торопился: те части тела, что предстали взору, когда она появилась в купальном костюме, заслуживали безоговорочного одобрения. Мне нипочем не заметить бы муху, не паясь я на ножку, которую та облюбовала.

Я опять нырнул, на этот раз неудачно. Когда я вылезал, откидывая назад мокрые волосы, рядом возникла Маделин:

– Что вы творите, Алекс! Шею хотите себе сломать? Обормот несчастный!

– Пытаюсь произвести впечатление, – ответил я. – У вас есть трапедия? Я умею висеть, уцепившись носками за перекладину.

– Не сомневаюсь. Весь ваш репертуар известен мне куда лучше, чем вы думаете. Подите-ка сюда, садитесь, я приготовлю вам коктейль.

Маделин вполне могла отвлечь мое внимание, вознамерясь я в угоду Вулфу приударить за Гвен. Она была эффектнее Гвен: стройная, но не тощая, с гладким смуглым лицом и большими темными глазами, которые она любила томно прикрыть, чтобы затем неожиданно распахнуть и совершенно пленить вас. Я уже знал, что ее муж, пилот бомбардировщика В-17, погиб в сорок третьем в небе над Берлином, что она полагает, будто все на свете уже повидала, но ее можно убедить взглянуть еще разок, что ей нравится имя Алекс и что она надеется услышать от меня несколько забавных историй, которые она еще не слышала. Да, Маделин вполне могла отвлечь мое внимание от Гвен.

Я подошел и сел рядом с ней на скамью, залитую солнцем, но обещанного коктейля не получил, потому что тележку с закусками и напитками окружили трое мужчин, и один из них что-то готовил для остальных. Это был Джеймс Сперлинг-младший. На год или два старше Маделин, он почти ничем не напоминал своего отца. Взглянув на его изящную фигуру, гладкую загорелую кожу или широкий капризный рот, никто бы не сказал, что он похож на шахтера. Прежде мы с ним не встречались, но кое-что я о нем слышал. Не поручусь за точность выражений, но, кажется, это был упорный малый, который прилежно взялся за учебу, чтобы найти свое место в отцовской корпорации, и начал разъезжать по шахтам, мотаясь то в Бразилию, то в Неваду, то в Аризону, но быстро утомился и вернулся в Нью-Йорк восстановить силы – здесь хватало тех, кто был готов составить ему компанию.

Рядом с ним у тележки стояли двое гостей. Поскольку нас занимали лишь Рони и Гвен, поначалу я почти не общался с остальными, разве только из вежливости, но позже мне пришлось обратить внимание и на кое-кого еще. Складывалось такое впечатление, будто тут начало происходить кое-что любопытное, и я немного расширил сферу своих интересов. Если

я что-нибудь понимал во флиртующих женщинах, то миссис Эмерсон, для друзей и врагов просто Конни, явно строила глазки Луису Рони.

Но прежде о тех двоих у тележки. Один из них был крутой парень, чуть старше меня, по имени Уэбстер Кейн. По моим сведениям, он был экономистом, выполнял кое-какую работу для Корпорации континентальных шахт и считался другом семьи. Владелец крупной красивой головы и шевелюры, явно не знакомой с расческой, небрежно одетый, он ни разу не искупался в бассейне, зато все время пил. Через десяток лет он вполне мог бы сойти за сенатора.

Я был рад случаю запечатлеть крупным планом другого мужчину, ибо мне частенько доводилось слышать, как Вулф разбирает его по косточкам. В шесть тридцать вечера пять дней в неделю Пол Эмерсон вел на радио Питтсбурга аналитическую программу, спонсируемую Корпорацией континентальных шахт. Примерно раз в неделю Вулф слушал его, но редко дослушивал до конца; он в раздражении выключал приемник и без обиняков высказывал все, что думает об этой передаче и ее ведущем. Главная его мысль всегда сводилась к тому, что Полу Эмерсону место, скорее, в гитлеровской Германии или франкистской Испании. Итак, поначалу я обрадовался возможности взглянуть на него вблизи, но был несколько сбит с толку тем, что он оказался в точности похож на школьного учителя химии из Огайо, который вечно ставил мне отметки выше, чем я заслуживал. Кроме того, я не сомневался, что у него, то есть у Пола Эмерсона, язва: он пил только содовую с одним-единственным кусочком льда. В плавках он смотрелся на редкость жалко, и, чтобы потрафить Вулфу, я несколько раз заснял его в самых эффектных ракурсах.

Так вот, то, чем, судя по всему, занималась в настоящий момент супруга Эмерсона, Конни, имело непосредственное отношение к цели, определенной Вулфом. Этой особе оставалось всего четыре-пять лет беззаботной жизни, прежде чем ей стукнет сорок, и посему меня она уже не интересовала, однако она вовсе не заблуждалась, полагая, будто вполне еще может позволить себе показаться в купальнике у бассейна при свете дня. Она была из той редкой породы блондинок, которым идет загар, да и по части фигуры, по совести говоря, обставила Гвен или Маделин, а блеск ее лучистых голубых глаз был замечен даже с противоположной стороны широкого бассейна. Там, на другом краю бассейна, она сейчас и устроилась возле Луиса Рони, пытаясь отдышаться, ибо только что продемонстрировала ему двойной подколенный захват, легко уложив его на спину, а он был отнюдь не дохляк. Эта оригинальная форма флирта имела очевидные преимущества; так или иначе, у Конни в запасе было много других приемов, которые она не задумываясь пускала в ход. За ланчем она намазывала для него булочки маслом. Подумать только!

Я был озадачен. Если те двое и беспокоили Гвен, она ничем себя не выдала, хотя от меня не укрылись несколько быстрых взглядов, брошенных ею на парочку. Возможно, притворяясь, будто ей больше нравится помогать мне фотографировать и смотреть, как я ныряю, она таким образом наносила ответный удар, но кто я такой, чтобы подозревать в притворстве симпатичную веснушчатую девчонку? Маделин принялась подшучивать над Конни и ее маневрами, но было непохоже, что они действительно ее волнуют. Что до мужа Конни, Пола Эмерсона, то кислое выражение, с каким он взирал на супругу и ее приятеля, мало о чем говорило, поскольку оно не сходило с его бесцветной физиономии, куда бы он ни взглянул.

Сам Луис Рони представлял собой загадку. Предполагалось, что он всеми силами добивается Гвен, то ли потому, что влюблен, то ли по каким-то иным причинам. Если так, то для чего все эти шуры-муры с загорелыми блондинками не первой молодости? Может, он хочет подзадорить Гвен? Конечно, я внимательно изучил его, не преминув отметить контраст между суровой, мужественной физиономией и намеками на грядущий жирок, который через пару лет начнет перевешивать мускулы, однако к окончательным выводам пока не пришел. Не ограничившись отчетами Бэскома, я навел о нем справки и теперь знал все об этом защитнике кар-

манных воров, вымогателей, наемных убийц, скупщиков краденого и подобной швали, но так и не сумел решить, кто он – кандидат на лавры нового Эйба Хаммела¹, коммунист, пробующий раздуть шумиху с помощью новых методов, лейтенант армии Арнольда Зека, а то и кто-нибудь чином повыше или же обыкновенный простак, которым вертят как хотят.

Однако в данный момент меня больше волновала одна конкретная проблема. Вместо того чтобы гадать, до чего дойдет у них с Конни Эмерсон или чье топливо он заливает в свой бензобак, я спрашивал себя: почему он никак не оставит в покое водонепроницаемый бумажник или кошелек, спрятанный у него в плавках? Я заметил, что он уже четырежды украдкой проверял, на месте ли тот. Мое любопытство дошло до предела, когда на четвертый раз – сразу после того, как Конни продемонстрировала свой приемчик, – он не удержался и вытащил его, осмотрел и снова засунул обратно. Со зрением у меня все было в порядке, и никаких сомнений по поводу увиденного не осталось.

Естественно, этого я не одобрил. В раздевалке на общественном или даже частном пляже либо в бассейне, где много людей и где приходится переодеваться бок о бок с незнакомцами, человек имеет полное право убрать ценную вещь в водонепроницаемый футляр и держать при себе; больше того, он будет олухом, если не сделает этого. Но Рони – такой же гость этого дома, как и все мы, – переодевался в отведенной ему комнате, находившейся неподалеку от моей, на втором этаже. Не слишком-то вежливо сомневаться в честности хозяев дома или других гостей, но даже если Рони считал, что у него были для этого основания, в его комнате наверняка имелось не меньше десятка первоклассных укромных местечек, где можно было спрятать тот, кстати сказать, совсем небольшой предмет, о котором он так беспокоился. Он оскорбил всех присутствующих, в том числе и меня. Правда, он как мог скрывал свою озабоченность, так что, кроме меня, ее, по-видимому, никто и не заметил, однако у него не было права так рисковать, ведь он мог задеть наши чувства. Лично я был возмущен и решил, что так этого не оставляю.

Моей руки коснулись пальцы Маделин. Я одним махом допил коктейль и повернул голову:

- А?
- Что «а»? – улыбнулась она, распахивая свои глазищи.
- Вы до меня дотронулись.
- Разве? Ничего подобного.

Она явно меня поддразнивала, но я в этот момент наблюдал за Гвен, собиравшейся прыгать с вышки спиной назад, к тому же нам все равно помешали. Ко мне приблизился Пол Эмерсон и ворчливым тоном проговорил:

– Забыл сказал, Гудвин: пока я не дам своего разрешения – никаких снимков. Я имею в виду в прессе.

Я вскинул голову:

- В смысле – вообще никаких или только тех, где есть вы?
- Только те, где я. Пожалуйста, не забудьте.
- Конечно. Я все понимаю.

Когда он отошел к краю бассейна и полетел в воду, судя по всему намеренно, Маделин заметила:

– Вы полагаете, что человеку, который здесь впервые, позволительно подшучивать над такой знаменитостью, как он?

¹ *Эбрахам (Эйб) Хаммел* (1850–1926) – американский юрист, младший партнер печально известной фирмы «Хау и Хаммел», которую обвиняли в коррупции, использовании преступных схем и лазеек в законодательстве. В 1907 году был приговорен к году тюрьмы за подстрекательство к лжесвидетельству, после отбытия срока уехал из США.

– Безусловно. Почему вы удивляетесь, ведь вам отлично известен весь мой репертуар! И вообще, что я такого сказал?

– О... Когда мы вернемся в дом, я вам кое-что покажу. Мне надо бы придержать язык.

На противоположном краю бассейна Рони и Конни Эмерсон, уже отдышавшись, устремились к воде. Джимми Сперлинг, которого я про себя называл Младшим, поинтересовался, нужна ли кому дозаправка, а Уэбстер Кейн заявил, что сам всем нальет. Гвен, с которой снова ручьями стекала вода, остановилась около меня, чтобы сказать, что солнце клонится к закату и скоро можно будет поснимать западную террасу, а пока нужно накинуть что-нибудь из одежды, ведь верно?

Давно мне не выпадала такая приятная работенка. Настроение портил только этот чертов бумажник или кошелек, о котором так беспокоился Рони. Над этим стоило поразмыслить, только чуть позже.

Глава 4

Несколько часов спустя, перед обедом, я прихорашивался в отведенной мне комнате на втором этаже, где имелось три больших окна, две полутораспальные кровати, а также много другой мебели и ковров, обладать которыми мне не светит, но которыми я с удовольствием пользовался во время пребывания в этих стенах. Затем я достал ключи, которые прятал за книгами на полке, раскрыл портфель из кожи карибу, вынул из него свою аптечку и отпер ее. В отличие от дурно воспитанного Рони, я явился сюда по делу, и дело это требовало, чтобы я привез с собой в коробочке, которую называл аптечкой, несколько необычных вещей. Я вытащил из аптечки один-единственный предмет: крошечный, круглый, светло-коричневый – и аккуратно переложил его в маленький кармашек для часов, находившийся во внутреннем кармане моего пиджака. Для этого мне пришлось воспользоваться пинцетом, потому что даже влажные кончики пальцев могли повредить этот предмет. Я снова запер аптечку и убрал ее обратно в портфель.

В этот момент постучали, и я сказал: «Войдите!» Дверь распахнулась, вошла Маделин в воздушном белом одеянии, начинавшемся на груди и заканчивавшемся где-то у пола. Ее лицо теперь казалось меньше, а глаза – еще больше.

– Арчи, как вы находите мое платье? – спросила она.

– Вполне. Не слишком строгое, зато определенно... – Я осекся и во все глаза уставился на нее. – Мне показалось, вы говорили, что вам нравится имя Алекс. Нет?

– По-моему, Арчи даже лучше.

– Тогда я снова стану Арчи. Когда отец успел вам рассказать?

– Он ничего не говорил. – Она распахнула глаза. – Вы думаете, что я считаю себя этакой искусственной и загадочной особой, правда? Может, и верно, но такой я была не всегда. Пойдемте, я хочу вам кое-что показать.

Она повернулась и вышла.

Я последовал за ней. Мы миновали широкий коридор, пересекли лестничную площадку и вступили в противоположное крыло. Одна из дверей была открыта; пройдя через нее, мы очутились в комнате, вдвое превосходившей размерами мою спальню, которая сама по себе казалась мне отнюдь не маленькой. Летние запахи, врывавшиеся сюда с улицы, смешивались с ароматом роз в гигантских вазах, расставленных по всему помещению. Я хотел было оглядеться, но Маделин сразу потащила меня к столу, на котором лежал объемистый, обтянутый кожей альбом, похожий на огромный географический атлас, раскрыла на странице с закладкой и показала мне:

– Видите? Тогда я была молода и беспечна!

Я сразу узнал ее, потому что у меня дома имелась точно такая же. Это была вырезка из «Газетт» от 9 сентября 1940 года. Моя физиономия украшала страницы газет не так часто, как портреты Черчилля, Рокки Грациано² или даже Ниро Вулфа; просто в тот раз мне удалось выбить пистолет из рук преступника прежде, чем он нажал на курок.

– Этот парень – прирожденный герой, – кивнул я.

Она тоже кивнула:

– Мне было семнадцать. Я грезил о вас почти месяц.

– Неудивительно. Вы это кому-нибудь показывали?

– Нет, не показывала! Черт возьми, вы должны быть тронуты моим признанием!

² Рокки Грациано — знаменитый американский боксер, чемпион мира.

– Проклятье, да я тронут, но куда меньше, чем час назад! Я-то вообразил, что вам понравился мой нос или, там, волосы у меня на груди, а вы подсовываете мне какие-то детские воспоминания.

– А что, если бывшие чувства вернулись?

– Не пытайтесь подсластить пилюлю. В любом случае возникает проблема. Кто еще, кроме вас, может помнить об этом снимке? Кстати, он не единственный.

Она задумалась:

– Пожалуй, Гвен, но навряд ли. Больше, наверное, никто. У вас проблема, а у меня – вопрос: для чего вы здесь? Луис Рони? – Настала моя очередь призадуматься, и Маделин загадочно улыбнулась. – Значит, он.

– Может, и нет. А что, если и так?

Она вплотную придвинулась ко мне и обеими руками вцепилась в лацканы моего пиджака; глаза ее на этот раз были широко распахнуты.

– Послушай-ка, ты, прирожденный герой! – серьезно проговорила она. – Не важно, вернулись бывшие чувства или нет, поберегись совать свой нос в дела моей сестры. Ей двадцать два года. Я в ее возрасте уже много чего повидала, а она до сих пор невинна, как роза... Господи, при чем тут розы! Ты понял, что я имела в виду. Я согласна с папой насчет Луиса Рони, но все зависит от того, какими методами действовать. Пожалуй, лучший способ избавить Гвен от страданий – это взять и пристрелить его. Не знаю наверняка, что он для нее значит, но хочу тебе сказать: дело тут не в папе с мамой, не во мне и не в Рони. Дело в моей сестре, запомни это хорошенько.

Так уж сложилось. Мы стояли лицом к лицу, розы источали пьянящий аромат, а она вдруг сделалась дьявольски серьезной после того, как целый день заигрывала со мной, и все случилось само собой. Когда, через одну-две минуты, Маделин оттолкнула меня, я позволил ей вырваться, подошел к альбому, захлопнул его, отнес к стеллажам и положил на самую нижнюю полку. Вновь повернувшись к ней, я увидел, что она, хоть и раскраснелась, однако вполне владела собой и могла говорить.

– Болван проклятый! – воскликнула она, после чего ей пришлось прокашляться. – Взгляни, что стало с моим платьем! – Она торопливо расправила складки. – Нам пора вниз.

Когда по широкой лестнице мы вместе спускались в зал для приемов, до меня внезапно дошло, что я кое-что перепутал. Мне, кажется, и впрямь удалось установить личные отношения, только вот не с тем, с кем было надо.

Стол был накрыт на западной террасе. Как только мы расселись, лучи вечернего солнца, скользившие по верхушкам деревьев, что росли на лужайке, осветили стену дома прямо над нашими головами. К этому времени из всех присутствующих одна лишь миссис Сперлинг по-прежнему звала меня мистером Гудвином. Она усадила меня справа от себя, вероятно, для того, чтобы придать вес сыну делового партнера председателя правления. Я до сих пор не мог понять, знает ли она о том, что я переодетый сыщик. Лицом, особенно широким ртом, Младший походил именно на нее, хотя с годами она чуть располнела. Чувствовалось, что она держит хозяйство в крепких руках. По виду и повадкам слуг было заметно, что они работают здесь уже довольно долго и уходить не намерены.

После обеда мы остались на террасе и просидели там до тех пор, пока не стемнело. Тогда мы пошли в дом, все, кроме Гвен и Рони, отправившихся бродить по лужайке. Уэбстер Кейн и миссис Сперлинг заявили, что собираются послушать радио или посмотреть какую-нибудь телепередачу. Меня пригласили сыграть в бридж, но я сказал, что должен обсудить со Сперлингом завтрашние съемки, и это была сущая правда. Он увел меня в ту часть дома, которую я еще не видел, в большую комнату с высоким потолком, расставленными вдоль стен книжными шкафами, вмещавшими в себя четыре тысячи книг, биржевым телеграфом и письменным столом, на котором среди прочего стояли пять телефонных аппаратов. Там он предоставил мне

четвертый или пятый шанс отказаться от сигары, пригласил сесть и спросил, что мне нужно. Сейчас передо мной был не хозяин, обращавшийся к гостю, а большой начальник, разговаривавший с одним из самых незначительных своих подчиненных. Мне пришлось подстроиться под его тон.

– Ваша дочь Маделин знает, кто я такой. Она когда-то видела мой снимок в газете. Судя по всему, у нее отличная память.

– Превосходная, – кивнул он. – Это важно?

– Нет, если она никому не скажет, а я полагаю, не скажет. Но я счел, что вы должны об этом знать. Решайте сами, надо ли вам говорить с ней об этом.

– Не думаю. Посмотрим. – Он был хмур, но сердился вовсе не из-за меня. – А что там с Рони?

– О, мы перекинулись всего парой слов. Он был очень занят. Но я собирался поговорить с вами о другом. Оказалось, что гостевые комнаты запираются, и меня это порадовало, однако я по неосторожности обронил свой ключ в бассейн, а отмычек с собой не захватил. Я человек нервный и перед сном всегда запираюсь изнутри, так что, если у вас имеется универсальный ключ, вы его мне не одолжите?

Голова у него работала что надо. Он улыбнулся еще до того, как я закончил фразу. Затем покачал головой:

– Боюсь, что нет. Существуют определенные нормы... Да к черту нормы! Но он ведь гость моей дочери. Я сам его пригласил и потому предпочел бы не пускать вас за порог его комнаты. Для чего вам...

– Я говорил исключительно о своей комнате. Ваши намеки просто возмутительны. Я обязательно скажу отцу, который владеет долей в вашей корпорации. Он тоже будет разгневан. Что поделать, если у меня нервы?

Сначала он только усмехнулся, но затем счел, что мой ответ заслуживает большего, и, запрокинув голову, громко расхохотался. Я терпеливо ждал. Отдав мне должное, он встал, подошел к большому стенному сейфу, покрутив взад-вперед ручку, распахнул дверцу, выдвинул один из ящичков, порылся в нем, а затем подошел ко мне. В руке он держал ключ с прицепленным к нему брелоком.

– Можете на всякий случай забаррикадировать дверь кроватью, – посоветовал он.

– Да, сэр, благодарю вас. Непременно, – ответил я, взял ключ и вышел.

Вернувшись в гостиную размером с теннисный корт, я обнаружил, что партия в бридж еще не началась. К компании присоединились Гвен с Рони. Они танцевали под включенное радио на пятачке у дверей, ведущих на террасу; Джимми Сперлинг танцевал с Конни Эмерсон. Маделин сидела за фортепьяно, пытаясь подыгрывать музыке, доносившейся из приемника; Пол Эмерсон с еще более кислым, чем обычно, лицом стоял рядом и следил за ее порхавшими по клавишам пальцами. В конце обеда он принял три разных вида пилюль и среди них, верно, по ошибке проглотил не ту. Я подошел, пригласил Маделин на танец и почти сразу понял, что танцует она превосходно. Это нас еще больше сблизило.

Чуть позже явилась миссис Сперлинг, за ней – сам Сперлинг и Уэбстер Кейн. Вскоре танцы закончились, кто-то упомянул, что пора на боковую. Все шло к тому, что мне уже не удастся воспользоваться маленькой коричневой капсулой, которую я недавно достал из аптечки. Несколько человек обступили отлично оснащенный бар на колесиках, стоявший рядом с длинным столом позади дивана, но Рони в их числе не было. Я уж было решил, что сегодня судьба мне не улыбнется, как вдруг Уэбстер Кейн воспылал желанием пропустить перед сном последний стаканчик и начал агитировать присутствующих поддержать его начинание. Я сделал себе бурбон с водой, потому что тот же напиток предпочел Рони, и настроение у меня значительно улучшилось, когда я увидел, как он берет у Джимми Сперлинга стакан. Теперь все шло как по писаному. Рони сделал глоток, а затем поставил стакан на стол, так

как Конни Эмерсон протянула ему обе руки, чтобы показать движения румбы. Я тоже отпил из стакана, чтобы в нем осталось столько же жидкости, вынул из кармана капсулу и бросил в напиток, потом будто бы случайно подошел к столу, поставил стакан на стол рядом со стаканом Рони, потому что мне якобы захотелось курить, зажег сигарету и снова взял стакан, но уже не тот, вернее сказать, на этот раз именно тот. Ни у кого не было ни малейшей возможности заметить мой маневр, поскольку я действовал как нельзя осмотрительно.

И тут удача покинула меня. Как только Конни отпустила его, Рони вернулся к столу и снова взял стакан, но пить этот олух больше не стал. Он просто держал стакан в руках. Немного погодя я попытался подать ему пример, для чего подошел к нему – в этот момент он болтал с Гвен и Конни – и присоединился к разговору, время от времени отхлебывая из своего стакана здоровенными глотками и похваливая бурбон, но он не притронулся к выпивке. Верблюд проклятый! Я уже хотел попросить Конни провести подколенный захват, чтобы я мог влить спиртное ему в глотку. В этот момент два или три человека стали желать всем спокойной ночи и прощаться. Я из вежливости обернулся, а когда снова взглянул на Рони, тот направлялся к бару, чтобы поставить стакан. Он отошел, и я увидел там только пустую посуду. Неужели он выпил свой бурбон залпом? Вряд ли. Я тоже подошел к бару, поставил стакан и, потянувшись за соленым крендельком, наклонил пониже голову и понюхал содержимое ведерка со льдом. Так и есть: он выплеснул свой бурбон туда.

Кажется, я не забыл пожелать остальным доброй ночи. Как бы то ни было, я наконец добрался до своей комнаты. Естественно, я злился на себя за то, что дал промашку, и, раздеваясь, шаг за шагом припоминал случившееся. Вне всяких сомнений, Рони не видел, как я меняю стаканы местами, поскольку в этот момент стоял ко мне спиной, а зеркала там не было. Конни тоже ничего не заметила, потому что он закрывал ей обзор, к тому же она доходила ему лишь до подбородка. Я снова прокрутил в уме все, что было, и решил, что засечь меня никто не мог, и все же был рад, что здесь нет Ниро Вулфа, который сумел бы объяснить произошедшее. В любом случае, заключил я, зевая во весь рот, сегодня универсальный ключ Сперлинга мне не пригодится. Не важно, по какой причине Рони вылил свой бурбон, главное, он это сделал, а значит, он не только не одурманен, но держит ухо востро... и потому... потому что-то такое... потому... Какая-то важная мысль все время ускользала от меня...

Я потянулся было за своей пижамной курткой, но тут опять широко зевнул, и это привело меня в бешенство: я не имел права зевать, если не справился с простейшей вещью. Всего-то требовалось подмешать в спиртное... Но бешенства как не бывало... Лишь чертовски хотелось спать...

Помню только, что вслух сказал себе сквозь стиснутые зубы:

– Тебя накачали снотворным, идиот треклятый, так хотя бы запри дверь!

И хотя я не помню, чтобы все-таки запер ее, однако я это сделал, потому что на следующее утро она была заперта.

Глава 5

Воскресенье стало настоящим кошмаром. На целый день зарядил дождь. В десять утра я силой заставил себя вылезти из постели. Голова распухла, точно бочка, набитая мокрыми перьями, и пять часов спустя по-прежнему была размером с бочонок, сырости в котором не поубавилось. Гвен настаивала, чтобы я снимал интерьеры со вспышкой, и мне пришлось ей уступить. Крепкий черный кофе не принес мне никакого облегчения, а на еду я вообще не мог смотреть без отвращения. Сперлинг подумал, что я маюсь с похмелья, и, разумеется, даже не улыбнулся, когда я вернул ему ключ и отказался предоставить какой-либо отчет. Маделин решила, что произошло что-то занятное; впрочем, у слова «занятный» много разных значений. Когда меня все-таки усадили за бридж, я вдруг заделался провидцем. Мне без конца везло, и Джимми заподозрил меня в шулерстве, хотя старался это скрыть. В довершение всего Уэбстер Кейн вообразил, что я как раз в том состоянии, чтобы взяться за изучение экономики, и посвятил первому уроку целый час.

Сейчас я был не способен освоить даже простые дроби, не говоря уже об экономике или установлении личных отношений с девицей вроде Гвен. Или Маделин. В какой-то момент Маделин застала меня в одиночестве и попыталась разговорить, чтобы выведать мои намерения и планы или, скорее, намерения и планы Вулфа в отношении своей сестрицы, а я прилагал неимоверные усилия, чтобы не огрызнуться в ответ. В свою очередь, она охотно снабжала меня информацией, поэтому я без особого труда разжился некоторыми сведениями о Сперлингах и их гостях. Единственный, кто на дух не переносил Рони, был сам Сперлинг. Миссис Сперлинг и Джимми, брат Гвен, поначалу отнеслись к нему хорошо, затем переменили мнение, более или менее разделив точку зрения Сперлинга, а около месяца назад опять передумали и заявили, что это личное дело Гвен. Вот тогда-то Рони и было позволено вновь переступить порог их дома. Что касается гостей, то Конни Эмерсон, по-видимому, вознамерилась решить проблему по-своему, переключив внимание Рони с Гвен на кого-нибудь другого, желательно на себя; Эмерсон, похоже, взирал на Рони с той же кислой миной, что и на остальных; а Уэбстер Кейн проявил изрядное здравомыслие. Позиция Кейна, имевшая некоторое значение, поскольку он являлся другом семьи, состояла в том, что лично на Рони ему было наплевать, однако он не одобрял голословных обвинений. По этому поводу у них со Сперлингом вышел жаркий спор.

Исходя из того, что поведала мне Маделин, можно было попробовать докопаться, кто с помощью прислуги подсыпал снотворное в стакан Рони, но нынче я был не в состоянии этим заниматься. Я не преминул бы смыться отсюда днем, но оставалось еще одно дело. Мне надо было свести кое с кем счеты – во всяком случае, попытаться.

Что до снотворного, то я самолично судил себя, представил необходимые доказательства и был оправдан. Вероятность того, что я принял зелье, которое сам же и подсыпал, исключалась: подмена была проведена безупречно и Рони ничего не заметил. Предупредить его тоже не могли, в этом я был абсолютно уверен. Следовательно, снотворное в стакан Рони подсыпал кто-то другой, и Рони либо знал об этом наверняка, либо что-то подозревал. Любопытно было бы знать, кто провернул такую штуку, вот только кандидатов набиралось многовато. Напиток приготовил Уэбстер Кейн, помогали ему Конни и Маделин, а Джимми передал стакан Рони. Но и это еще не все: после того как Рони поставил стакан на стол, я на некоторое время выпустил его из поля зрения, пока добирался до стола. Значит, в отличие от Рони, который, возможно, знал имя злоумышленника, подсыпавшего употребленную мной дозу, мне оставалось только гадать, кто этот таинственный Икс.

Однако не это побудило меня остаться. К черту Икса! По крайней мере пока. Но мне никогда не забыть сцены, которая заставляла меня стискивать челюсти, сидеть за картами и мотаться за Гвен с двумя камерами в руках и карманами, оттопыривавшимися от фотовспы-

шек, вместо того чтобы отлеживаться дома в теплой постельке: Луис Рони выливает в ведро со льдом выпивку, куда я подсыпал для него снотворное, а я в это время опрокидываю себе в глотку последние капли бурбона со снотворным, предназначавшимся опять-таки для него! Он за это заплатит, не то мне будет стыдно вновь взглянуть в лицо Ниро Вулфу.

Казалось, обстоятельства мне благоприятствовали. Я осторожно, без лишнего шума прозондировал почву. Рони приехал поездом в пятницу вечером, на станции его встречала Гвен. Он должен был вернуться в город сегодня. Кроме него, больше никто не уезжал. Пол и Конни Эмерсон собирались прогостить в Стоуни-Акрес целую неделю; Уэбстер Кейн оставался здесь на неопределенное время, готовя для корпорации какие-то экономические выкладки; мамаша с девочками живут в поместье все лето; старший и младший Сперлинги вряд ли поедут вечером в город. Но я-то, в отличие от них, должен ехать. Вот только дождусь, пока не рассосутся вечерние пробки на дорогах. Рони, конечно, предпочтет вернуться домой в удобном, просторном авто, а не в битком набитом вагоне.

Я ничего ему не сказал, но, будто между прочим, намекнул Гвен, что могу его подбросить. Чуть позже я уже настойчивее предложил то же самое Маделин, которая согласилась при случае замолвить за меня словечко, а потом посвятил в свой замысел и Сперлинга, с которым мы заперлись в библиотеке. После этого я спросил у него, с какого телефона можно позвонить в Нью-Йорк, и заявил, что этот звонок не предназначен для его ушей. Он, ясное дело, слегка напрягся, но к тому времени я был уже в состоянии связать два слова и сумел его уломать. Он вышел, прикрыв за собой дверь, а я позвонил Солу Пензеру домой, в Бруклин, и проговорил с ним целых двадцать минут. В голове у меня еще не просохло, поэтому пришлось повторить все дважды, чтобы убедиться, что я ничего не упустил.

Было около шести вечера, а значит, мучиться мне оставалось еще четыре часа, поскольку свой отъезд я наметил на десять, но все оказалось не так уж плохо. Немного погодя тучи стали потихоньку расходиться, и даже солнце сподобилось перед закатом явить нам свой милостивый лик. Но главное, я рискнул притронуться к сэндвичу с курицей, и не успел я и глазом моргнуть, как сэндвич был съеден, потом та же участь постигла кусок вишневого пирога и стакан молока. Миссис Сперлинг одобрительно похлопала меня по спине, а Маделин заявила, что теперь она будет спать спокойно.

В шесть минут одиннадцатого я уселся за руль «родстера», спросил у Рони, не забыл ли он свою зубную щетку, и надавил на педаль газа.

– Что за модель? – поинтересовался он. – Сорок восьмого года?

– Нет, – ответил я, – сорок девятого.

Он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

В просветах между тучами показались звезды, но луны видно не было. Следуя изгибам дороги, мы миновали увитые плющом каменные столбы и выехали на шоссе. В этом месте оно было совсем узким, да и асфальт не мешало бы чуток подлатать, зато первую милю мы катили по нему в полном одиночестве, что было мне на руку. Сразу за крутым поворотом на краю густого леса стоял старый сарай. Здесь обочина расширялась, и на ней, с нашей стороны дороги, была припаркована машина. На повороте я сбросил скорость; навстречу мне метнулась женщина с включенным фонариком в руке. Я тормознул и остановился. Женщина громко спросила:

– Простите, у вас домкрата не найдется?

Тут до нас донесся мужской голос:

– У нас домкрат сломался. Не одолжите свой?

Я обернулся, дал задний ход и съехал с дороги на траву.

– Какого черта! – проворчал Рони.

– Друг друга надо выручать, – шепотом ответил я.

Когда мужчина и женщина приблизились, я вышел из машины и сказал Рони:

– Извините, вам придется привстать. Домкрат под вашим сиденьем.

Женщина, проворковав в наш адрес какую-то невнятную благодарность, подошла к автомобилю с той стороны, где сидел Рони, распахнула дверцу, и он стал вылезать спиной назад, глядя на меня. В этот момент что-то ударило меня по голове. Я рухнул на землю, но трава в этом месте оказалась густой и мягкой. Я прислушался, и через несколько секунд прозвучало мое имя:

– Порядок, Арчи!

Я вскочил на ноги, забрался в машину, чтобы заглушить мотор и выключить фары, затем вышел и обогнул капот. Луис Рони навзничь лежал на земле. Я, не теряя времени, бросился проверять, что с ним, ибо не сомневался, что Рут Брэйди умеет добиться своего, она по этой части дока. Я ведь хорошо знал эту женщину, которая сейчас тоже стояла на коленях около Рони и светила фонариком на его голову.

– Прости, что испортил тебе воскресный вечер, дорогая Рут.

– Да ну тебя к черту, милый Арчи! Кончай болтать! Не нравится мне тут – экая глухомань!

– Мне тоже не нравится. А он не прикидывается?

– Не беспокойся, я проверила – пощекотала травинкой у него в носу.

– Хорошо. Если очухается – приложи его снова.

Я повернулся к Солу Пензеру, который в этот момент закатывал рукава своей рубашки:

– Как жена и дети?

– Отлично!

– Передавай им привет. Тебе лучше встать с этой стороны, подальше от дороги. Мало ли кто проедет.

Он сделал, как было сказано, а я тем временем опустил на колени возле Рут. Так и знал, что искомая вещь обнаружится при Рони: вряд ли он беспечно швырнул ее в чемодан, который отнес вниз, к автомобилю, кто-то из слуг... Теперь вместо водонепроницаемого футляра она была упакована в целлофановый пакетик и убрана в потайное отделение бумажника из крокодиловой кожи. Я сразу понял, что это она: во-первых, больше ничего примечательного у Рони при себе не было, а во-вторых, я просто обалдел, когда увидел эту штуку, которую Рут осветила своим фонариком.

– А вот и не удивил, – с презрением проговорила она. – Я так и знала. Он твой, и тебе понадобилось его вернуть. Товарищ!

– Заткнись!

Мне было слегка досадно. Сняв целлофановую обложку, я со всех сторон оглядел находку, но никаких сюрпризов не обнаружил. Это был обыкновенный билет члена Коммунистической партии США за номером 128–394, выданный на имя Уильяма Рейнолдса. Все оказалось чересчур просто – вот что меня раздосадовало. Наш клиент настаивает на том, что Рони – коммунист, и я после поверхностного обыска, как по заказу, тут же нахожу при нем партбилет! Разумеется, то, что в нем проставлено другое имя, ничего не значило. Все это мне не понравилось. Неприятно признавать, что клиент с самого начала был чертовски прав.

– Как они тебя называют: Билл или Уилли? – поинтересовалась Рут.

– Держи, – ответил я и отдал ей билет.

Потом, достав ключ, открыл багажник, вытащил вместительный чемодан, вынул из него большую фотокамеру и несколько ламп. Сол подошел, чтобы помочь мне. Рут время от времени вставляла свои замечания, но мы не обращали на нее внимания. Я сфотографировал билет трижды: один раз в руке у Сола, другой – на чемодане, а третий – прислонив его к уху Рони. Затем я снова завернул корочки в целлофан, убрал в бумажник, а бумажник положил на место, в нагрудный карман Рони.

Оставалось еще одно дело, но оно отняло у меня куда меньше времени, потому что, в отличие от фотографии, на восковых слепках с ключей я давно набил себе руку. Воск лежал в моей аптечке, а связка ключей, восемь штук, – в кармане у Рони. Помечать слепки не пришлось – я все равно не знал, от чего эти ключи. Я снял слепки со всех восьми, решив не экономить.

– Он скоро очнется, – объявила Рут.

– Пускай. – Я передал Солу, который запихивал чемодан обратно в багажник, пачку денег. – Это из его бумажника. Не знаю, сколько тут, и не хочу знать. Мне они ни к чему. Купи Рут нитку жемчуга, а не то отдай в Красный Крест. Вам пора, а?

Уговаривать их не пришлось. Мы с Солом понимали друг друга без лишних слов.

– Позвонишь? – только и спросил он.

– Ага, – ответил я.

Через минуту они были уже далеко. Как только их автомобиль скрылся за поворотом, я обошел машину, снова очутившись у дороги, растянулся на траве и принялся усердно стонать. Но кругом было тихо, и немного погодя я умолк. На почве под тяжестью моего тела начала проступать влага; трава, а за ней и одежда стали отсыревать, и я решил немного подвинуться. В это время с той стороны, где валялся Рони, донесся какой-то шум. Я снова испустил стон, затем встал на колени, пару раз выругался и еще немножко поохал, схватился за ручку дверцы, подтянувшись, встал на ноги, забрался в машину, включил фары и увидел Рони, который сидел на траве, проверяя содержимое своего бумажника.

– Надо же, вы живы, – сказал я, но он не ответил. – Вот ублюдки! – проворчал я.

Он опять не ответил. Ему потребовалось две минуты, чтобы набраться смелости и попробовать встать на ноги.

Скажу откровенно: когда спустя час пятьдесят минут я высадил Рони у дверей его дома на Тридцать седьмой улице и уехал, мне по-прежнему было невдомек, что он обо мне думает. За всю дорогу он произнес не больше пятидесяти слов, предоставив мне самому решать, стоит ли заезжать в полицию, чтобы сообщить о постигшей нас беде. Я решил, что стоит, поскольку знал: Сол и Рут наверняка уже покинули пределы округа. Впрочем, смешно было надеяться, что бедняга, который все еще приходил в себя после мастерского приема, проведенного Рут Брэйди, станет болтать без умолку. Я так и не понял, что крылось за его поведением: безмолвное сочувствие к собрату по несчастью или желание разобраться со мной позже, после того как к нему вернется способность соображать.

Когда я въехал в гараж на Одиннадцатой авеню, часы на приборной панели показывали двенадцать минут второго. Захватив с собой только портфель из кожи карибу и бросив остальные вещи в багажнике, я свернул на Тридцать пятую улицу и направился к дому. Настроение у меня значительно улучшилось; теперь я мог смело смотреть в лицо Вулфу, а в голове наконец прояснилось. В конце концов, выходные прошли неплохо, если не считать того, что я был голоден как зверь. Поднимаясь на крыльцо, я предвкушал ночное пиршество на кухне, поскольку знал, что холодильник заботами Вулфа и Фрица Бреннера забит до отказа.

Я вставил ключ в замок и повернул ручку, но дверь приоткрылась лишь на два дюйма. Я удивился, ведь если дома ожидали моего возвращения, Фриц и Вулф, как правило, не запирались на цепочку, ну разве что в исключительных случаях. Я надавил на звонок, через секунду на крыльце включился свет и через щель донесся голос Фрица:

– Арчи, ты?

Это показалось мне не менее странным, потому что он отлично видел меня через одно-стороннюю стеклянную панель. Но я не стал артачиться и послушно заверил Фрица, что это в самом деле я, после чего меня пустили внутрь. Не успел я переступить порог, как он снова запер дверь и накинул цепочку. Здесь мне настал черед изумиться в третий раз: Вулфу давно пора было быть в постели, но он был здесь – стоял в дверях кабинета, сердито уставившись на меня.

Я поздоровался и добавил:

– Так-то вы меня ждете? Что тут за баррикады? Кто-нибудь покушался на орхидеи? – Я повернулся к Фрицу. – Я так голоден, что соглашусь даже на твою стряпню.

И я двинул на кухню, но Вулф меня остановил.

– Заходи сюда! – скомандовал он. – Фриц, ты не принесешь поднос с едой?

Еще одна странность. Я последовал за Вулфом в кабинет. Как выяснилось позже, кое-что произошло, и он был готов не ложиться всю ночь, чтобы поделиться со мной. Но то, что я сейчас сказал, на некоторое время отодвинуло эти новости на второй план. Для него не было ничего важнее еды, даже если речь шла о жизни и смерти. Опустившись в кресло за своим письменным столом, он спросил:

– С чего это ты оголодал? У мистера Сперлинга не принято кормить гостей?

– Вовсе нет. – Я сел. – Жратва хоть куда, зато там что-то подсыпают в выпивку – и вы теряете аппетит. Это долгая история. Хотите послушать?

– Нет. – Он бросил взгляд на часы. – Но придется. Начинай.

Мне оставалось только подчиниться. Я еще не закончил перечислять действующих лиц, когда вошел Фриц с подносом. Впившись зубами в сэндвич с осетриной, я продолжил повествование. По выражению лица Вулфа было ясно, что он хочет вникнуть во все детали, и он их получил. Когда я закончил, был уже третий час ночи. Поднос с едой опустел, только на донышке кувшина осталось чуть-чуть молока. Теперь Вулф знал все, что знал я, за исключением одной-двух сугубо личных подробностей.

Я вылил в стакан остатки молока.

– Итак, судя по всему, чутье не подвело Сперлинга. Парень действительно оказался коммунистом. Теперь у нас есть фотография партбилета и куча снимков самого Рони. Сдается мне, самое время связаться с тем типом, который иногда фигурирует в перечне наших расходов под именем мистера Джонса. Может, он никакой и не племянник дяде Иосифу, зато, кажется, заседает в местном политбюро. Вы можете его привлечь.

Незадолго до этого Фриц принес еще один поднос, на этот раз с пивом. Вулф опорожнил в бокал вторую бутылку.

– Могу. – Он выпил пиво и поставил бокал. – И впустую потрачу деньги Сперлинга. Даже если это и впрямь билет Рони и он член партии, что вполне вероятно, подозреваю, все это обыкновенный маскарад. – Он вытер губы салфеткой. – Я не в претензии на тебя за эту инсценировку, Арчи, она вполне в твоём духе. Сказать, что ты нарушил инструкцию, я тоже не могу, потому что сам предоставил тебе свободу действий. Но ты хотя бы мог позвонить, перед тем как решиться на эту бандитскую авантюру!

– Вот как! – саркастически проговорил я. – Простите, но с каких пор вы надзираете за всякой мелочовкой вроде этой, где только и требуется, что подставить ножку предполагаемому женишку?

– Ни с каких. Однако ты знал, что выяснились новые обстоятельства, во всяком случае их нельзя исключать. Ты мне не позвонил, но за тебя это сделал кое-кто другой – тот, чей голос тебе уже знаком. И мне тоже.

– Вы говорите об Арнольде Зеке?

– Имен никто не называл. Но голос был тот самый. Ты же прекрасно знаешь: его ни с кем не перепутать.

– Что он сказал?

– Он не упомянул ни мистера Рони, ни мистера Сперлинга. Однако недвусмысленно дал понять, кого имеет в виду. В общем, мне было велено немедленно оставить мистера Рони в покое, иначе я понесу суровое наказание.

– И что вы ответили?

– Я... выразил протест. – Вулф попытался налить себе пива, но заметил, что бутылка пуста, и снова поставил ее на поднос. – Он был куда категоричнее, чем в прошлый раз. Мне не удалось скрыть, как я возмущен. Я твердо обозначил свою позицию. В конце концов он выдвинул мне ультиматум: я должен в течение двадцати четырех часов отозвать тебя из гостей.

– Он знал, что я там?

– Да.

– Чтоб мне провалиться! – Я даже присвистнул. – Этот Рони – парень не промах. Коммунист и вдобавок один из приспешников мистера З. Впрочем, если вдуматься, ничего поразительного в этом сочетании нет. А ведь на него поднял руку не только я, но и Рут с Солом. Проклятье! Мне надо... Когда он звонил?

– Вчера вечером... – Вулф посмотрел на часы. – То есть в субботу, в десять минут седьмого.

– Значит, срок его ультиматума истек восемь часов назад, а мы все еще живы. Все равно мы бы вполне успели придумать что-нибудь другое. Почему вы не позвонили мне? Я бы...

– Замолчи!

Я удивленно поднял брови:

– Почему это?

– Раз уж мы забились в дальний угол, как последние трусы, то давай хотя бы не рассуждать об этом на все лады! Я упрекаю тебя за то, что ты не позвонил. Ты упрекаешь меня за то, что я не позвонил. Запереть дверь на засов – всего лишь разумная предосторожность, но это отнюдь не...

Вероятно, он добавил что-то еще, но что именно – я так и не узнал. Мне доводилось слышать много разных шумов; бывало, грохот заставлял Вулфа прерывать свои занятия, а меня буквально выпрыгивать из кресла, но ничего подобного этому я в жизни своей не слыхивал. Чтобы воспроизвести этот звук, попробуйте взять сотню полицейских, расставьте их по кварталу, в котором живете, и велите одновременно палить по окнам из оружия сорок пятого калибра.

Дальше наступила гробовая тишина.

Вулф что-то произнес.

Я выхватил из ящика стола пистолет, опрометью бросился в коридор, щелкнув выключателем, зажег на крыльце свет, сорвал дверную цепочку, распахнул дверь и выскочил из дому. Слева, на противоположной стороне улицы, поднялись две оконные рамы, раздались перепуганные голоса и наружу высунулось несколько голов, однако сама улица была пуста. Тут я заметил, что стою не на каменном крыльце, а на куске стекла. Да что там говорить: вокруг было одно сплошное стекло. Осколки усыпали крыльцо, ступени, тротуар перед домом. Я поднял голову, и в этот момент сверху обрушился еще один кусок стекла, пролетев всего в каком-то дюйме от меня, ударившись оземь и вдребезги разбившись у моих ног. Я попятился, юркнул за порог, захлопнул за собой дверь, повернулся и тут же нос к носу столкнулся с Вулфом, который растерянно остановился посреди прихожей.

– Он решил сорвать злость на орхидеях, – объявил я. – Оставайтесь здесь. Я пойду наверх, погляжу.

И я помчался по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки зараз. Рядом заработал лифт – Вулф, должно быть, наконец спохватился. За мной, не поспевая, бежал Фриц. Верхняя площадка лестницы, отделанная бетонной плиткой и оштукатуренная, осталась цела. Я щелкнул выключателем и открыл дверь в первое помещение оранжереи – теплицу, – но так и не вошел, потому что свет не зажегся. Секунд пять я стоял на месте, ожидая, пока глаза не привыкнут к темноте. Сзади появились Вулф и Фриц.

– Посторонись! – прорычал Вулф, словно пес перед нападением.

– Нет. – Я оттеснил его назад. – Вы весь перережете, а не то останетесь без скальпа! Ждите здесь, пока я не разберусь со светом.

– Теодор! Теодор! – проревел он из-за моего плеча.

Из сумрачных развалин до нас донесся голос Теодора:

– Да, сэр! Что случилось?

– С тобой все в порядке?

– Нет, сэр! Что...

– Ты ранен?

– Нет, не ранен, но что все-таки случилось?

В той стороне, где находилась комната Теодора, что-то зашевелилось, затем раздался звон разбивающегося стекла.

– У тебя есть свет? – крикнул я.

– Нет, чертовы лампочки все до одной...

– Тогда сиди тихо, пока я не добуду свет.

– Сиди тихо! – рявкнул Вулф.

Я побежал вниз, к кабинету. Когда я вернулся обратно, из окон домов напротив и с улицы донесся какой-то шум. Только вот нам было не до него. Зрелища, открывшегося перед нами при свете карманных фонарей, было достаточно, чтобы все остальное отступило на второй план. Как выяснилось позднее, кое-что из великого множества оконных стекол и десяти тысяч орхидей все же уцелело, но поначалу у нас сложилось совсем другое впечатление. Даже при свете фонариков продираться сквозь джунгли острых осколков, нависавших над головой, пронзающих растения, торчавших из почвы, было отнюдь не забавно, но Вулфу было необходимо это увидеть, как и Теодору, который остался цел и невредим, однако буквально осатанел. Я даже боялся, как бы он не задохнулся от ярости.

Наконец Вулф направился в тот уголок, где были посажены *Odontoglossum harrayanum* – его нынешняя гордость и радость. Луч фонарика обшарил израненные и обезображенные стебли, листья и соцветия, усыпанные разбитым стеклом. Затем Вулф повернулся и бесстрастно произнес:

– Можно спускаться вниз.

– Через два часа рассветет, – сквозь зубы процедил Теодор.

– Знаю. Нам нужны люди.

Добравшись до кабинета, мы сначала позвонили Льюису Хьюитту и Дж. М. Хоугу и только потом – в полицию. Патрульная машина все равно уже прибыла.

Глава 6

Шесть часов спустя я отодвинулся от обеденного стола, как следует потянулся и без всяких извинений смачно зевнул, чувствуя, что давно это заслужил. Обычно я завтракаю на кухне с Фрицем, а Вулф ест у себя в комнате, но сегодня у нас все стало с ног на голову.

Команда из четырнадцати человек, не считая Теодора, трудилась на крыше, прибираясь и спасая то, что уцелело, а в полдень ожидалась целая армия стекольщиков. С Лонг-Айленда на подмогу прибыл Энди Красицки. Из-за опасности падения битых стекол улица была оцеплена. Полицейские по-прежнему рыскали перед домом, а возможно, и в соседних домах, но у нас остался один капитан Мердок: он вместе с Вулфом сидел за столом, из-за которого я только что встал, и угощался оладьями с медом.

Полиция уже успела все выяснить – разумеется, в пределах своих возможностей. Семья, обитавшая напротив, уехала на все лето. На крыше их дома были найдены сто девяносто две гильзы от автомата и пистолета-пулемета Томпсона; полицейские эксперты все еще ползали там, собирая доказательства в пользу версии, что нападение было совершено именно отсюда: а вдруг адвокату обвиняемых вздумается заявить, будто гильзы случайно обронили голуби. Впрочем, нужда в адвокате для обвиняемых еще не появилась, поскольку в наличии пока не было самих обвиняемых. К настоящему времени было неизвестно, как им удалось проникнуть на крышу нежилого дома. Полиция сумела только выяснить, что какие-то неустановленные личности забрались наверх и в два часа двадцать четыре минуты ночи расстреляли нашу оранжерею, а затем переулком выбрались на Тридцать шестую улицу, но об этом я мог догадаться и сам, не выходя из дому.

Признаться, мы не горели желанием оказать помощь следствию. Вулф даже не упомянул имен Сперлинга и Рони, не говоря уж о мистере З. Он отказался делиться с полицейскими своими соображениями по поводу того, кто мог замыслить такое злодейство. Нам не составило большого труда вбить в их головы, что им придется довольствоваться тем, что есть, ведь не секрет, что среди жителей огромного города наверняка найдутся те, кто охотно наделал бы дырок не только в оранжерее Вулфа, но и в нем самом. Правда, нам возразили, что далеко не все располагают пистолетами-пулеметами и не каждый готов пустить их в ход столь наглым манером, но Вулф заметил, что это ерунда, потому что тут явно действовали наемные исполнители.

Насытившись, я тотчас встал из-за стола – мне надо было обзвонить кучу разных мест: производителей черепицы, строительные магазины, малярные мастерские и подобные заведения. Пока я этим занимался, Вулф проводил капитана Мердока, поднялся на лифте на крышу и снова спустился вниз, тяжело ввалился в кабинет, упал в кресло, откинулся на спинку и тяжело вздохнул.

Я посмотрел на него:

– Вам бы подняться наверх и чуток вздремнуть. И вот что я вам скажу. Я и сам по части упрямства вам не уступаю. Мужество, доблесть и отвага – вещи, конечно, стоящие, и я всеми руками за них, но считать-то я тоже умею. Если подобное повторится, а я в этом не сомневаюсь, нас ждут такие расходы, что мало не покажется. Я уже начал подбивать клинья под Гвен и, ясное дело, теперь буду рыдать от отчаяния; но вы-то ее в глаза не видели, вам только и нужно, что вернуть ее папаше аванс. Так вот, если вы это сделаете, обещаю, что больше вовек ни словечка об этом не скажу. Никогда. Хотите, на Библии поклянусь?

– Нет. – Его глаза были полужакрыты. – К ремонту все готово?

– Более или менее.

– Тогда позвони Сперлингам и позови к телефону старшую дочь.

Я вздрогнул:

– Почему старшую? С чего это вы...

– Пф! Думал, тебе удастся скрыть, на кого ты там глаз положил? Дудки. Уж я-то тебя знаю. Позвони ей и узнай, вся ли семья в сборе. Впрочем, где ее брат, не так уж и важно. Если да, то скажи ей, что мы приедем через два часа, чтобы встретиться с ними.

– Мы?

– Да. Ты и я.

Я подошел к телефону. Нельзя сказать, чтобы Вулф создавал немыслимый прецедент. Да, у него и впрямь имелось одно священное правило: не выходить из дому по делам, но то, что случилось прошлой ночью, к делам уже не относилось, а числилось в категории «борьба за выживание».

Трубку снял кто-то из прислуги. Я назвал свое имя и попросил позвать мисс Маделин Сперлинг. Ее фамилия по мужу была Пендлтон, но она предпочитала девичью. Я собирался говорить с ней кратко и по существу, но она была настроена на долгую беседу. Выяснилось, что Рони позвонил Гвен всего полчаса назад и рассказал ей об ограблении. Разумеется, теперь Маделин не терпелось услышать мою версию. Я был вынужден повиноваться. Ее беспокоила моя голова, и мне пришлось поклясться, что бандитский удар не причинил ей никакого урона. Когда же я наконец получил возможность завести речь о том, ради чего и звонил, Маделин, умничка, по моему тону сразу поняла, что дело это серьезное и заслуживает внимания, а потому все уладилось без лишних слов. Я повесил трубку и повернулся к Вулфу:

– Договорился. Все там. Она позаботится о том, чтобы до нашего приезда никто не уехал. Нас пригласили на ланч.

– Ее сестрица тоже будет?

– Все будут.

Он посмотрел на часы: они показывали 11:23.

– Подъедем к половине второго.

– Да, запросто. Кажется, я знаю, где взять напрокат бронированный автомобиль. Дорога проходит в пяти милях от холма, на котором возвышается дворец, принадлежащий одному нашему знакомцу.

Он скривился:

– Поедем на седане.

– Ладно, если вам нравится путешествовать скрючившись на полу машины. А то давайте запихну вас в багажник. Ведь это вы ему нужны, не я. Кстати, как быть с Фредом и Орри? Я звякнул Солу и предупредил его, что, помимо адвокатов, в деле замешана еще кое-какая публика. Полагаю, Фред и Орри могут взять выходной. А после того как потолкуете со Сперлингами, о чем хотели, ребят можно будет задействовать опять, раз уж вы рветесь в бой, хотя я от всей души надеюсь, что до этого не дойдет.

Он уступил. Мне не удалось связаться ни с Фредом, ни с Орри, но они непременно должны были вскоре позвонить, поэтому Фрицу было поручено передать им, чтобы они отдыхали, пока для них не появится работенка. После этого Вулф снова отправился на крышу, чтобы узнать, как там дела, а я пошел в гараж за машиной. Когда мы наконец выехали, был уже почти полдень. Вулф, как всегда, устроился на заднем сиденье, потому что в случае аварии здесь было больше шансов выжить, и мертвой хваткой вцепился в поручень. Впрочем, тут не было ничего из ряда вон выходящего. Подвергая риску свою драгоценную жизнь, сегодня он дрожал и трясся не больше обычного. Правда, поглядывая в зеркало заднего вида, я заметил, что на протяжении всей поездки он ни разу не закрыл глаза, хотя не спал уже больше тридцати часов.

День выдался облачный и ветреный – не лучшая погода для июня, хорошо хоть дождя не было. Достигнув второстепенной дороги, которая вела в Стоуни-Акрес, я остановился, чтобы показать Вулфу то самое место, где мы с Рони пали жертвами дорожного разбоя, и сообщил,

что Сол забрал из бумажника Рони триста двенадцать долларов и теперь ожидает распоряжений на этот счет.

Место преступления Вулфа нисколько не заинтересовало.

– Мы уже близко?

– Да, сэр. Осталось полторы мили.

– Вперед!

Подъехав к главному входу в дом, мы сподобились большой чести. На этот раз нас встречал не печальной малый в униформе, а сам Джеймс Сперлинг собственной персоной. Однако улыбки на его лице было что-то не видать. Он заговорил с нами через опущенное стекло автомобиля:

– Что все это значит?

Было бы странно винить его в том, что он, будучи плохо знаком с Вулфом, понятия не имел, что тот никогда не задерживается в машине дольше, чем это необходимо. Прежде чем ответить, Вулф распахнул дверцу и вылез из автомобиля.

А Сперлинг все не унимался:

– Я пытался связаться с вами по телефону, но вас и след простыл, прежде чем я успел набрать номер. Что вы затеяли? Вам, черт возьми, отлично известно, что ваше появление здесь меня совсем не устраивает!

Вулф встретился с ним взглядом:

– Вы сами ко мне пришли, мистер Сперлинг. Вообразите себе, я вовсе не безрассуден. Уверю, у меня есть оправдание, и я его представлю, но чуть позже. Когда я объясню вам и вашим родным, в чем дело, вы сами поймете, что у меня не было другого выхода. Держу пари на свою репутацию, что поймете.

Сперлинг попытался возразить, но Вулф твердо стоял на своем. Видя, что он должен либо уступить, либо силой выставить нас вон, председатель правления предпочел первое. Они с Вулфом пошли в дом. Поскольку никто не горел желанием оказать мне помощь, я самостоятельно отогнал машину на посыпанную гравием и окруженную кустами стоянку позади дома, припарковался и направился к ближайшему входу, который находился на западной террасе. Когда я зашел на террасу, дверь открылась и навстречу мне вышла Маделин. Я поздоровался.

Она внимательно изучила меня, склонив голову набок и полузакрыв свои огромные темные глаза.

– Непохоже, чтобы ты сильно пострадал.

– Разве? Еще как пострадал. Просто на внешности это не отразилось. Но ограбление тут ни при чем. Это все... – Я сделал выразительный жест. – Ну, ты должна понимать.

– Я в тебе разочаровалась. – Она широко распахнула глаза. – Почему ты их не застрелил?

– Думал о другом. Говорю же, ты должна понимать. Как-нибудь надо об этом потолковать. Огромное тебе спасибо за то, что отвлекала отца и не позволила ему помешать нашему приезду. А еще за то, что поверила мне, когда я сказал, что все это ради Гвен. Как меня здесь нынче величают?

– О, теперь только Арчи. Мне пришлось все объяснить Уэбстеру, и Полу с Конни тоже, они ведь будут сидеть с нами за одним столом. К чему все усложнять? В любом случае Ниро Вулф тоже здесь. Они ведь не дураки. Между прочим, ланч из-за вас задержали. Обычно мы едим в час, так что пошли в столовую. Как у тебя обстоит дело с аппетитом?

Я ответил, что не стану рассказывать, лучше покажу себя в деле, и мы отправились в дом.

Ланч был накрыт в большой столовой. При галстуках были только мы с Вулфом, хотя для таких крайностей, как шорты, сегодня было слишком прохладно. Сперлинг надел полосатый пиджак поверх шелковой голубой сорочки, верхняя пуговица которой была расстегнута. На Джимми и Поле Эмерсоне были издававшие виды вязанные жакеты спортивного покроя, на одном коричневый, на другом – темно-синий. Уэбстер Кейн предпочел шерстяную рубашку в

яркую красно-желтую клетку. Миссис Сперлинг была в розовом платье из вискозы и пушистой вязаной кофточке без пуговиц, тоже розовой, Конни Эмерсон – в каком-то синем балахоне в крапинку, больше всего смахивавшем на домашний халат, Гвен – в кофейного цвета рубашке и слаксах; Маделин надела черно-коричневое платье из мягкой гладкой шерсти.

Словом, это было все, что угодно, только не официальный прием, однако никто не чувствовал себя раскованно и легко. Ели собравшиеся без стеснения, но каждый, казалось, был озабочен поисками подходящих тем для разговора. Вулф, который терпеть не мог, если во время еды возникала натянутая атмосфера, пытался разговорить то одного, то другого гостя, но преуспел лишь единожды, когда завел дружеский спор с Уэбстером Кейном о финансовых механизмах и книге какого-то англичанина, о которой никто из присутствующих и слыхом не слыхивал, за исключением разве что Сперлинга. Тот, верно, знал ее наизусть, однако не проявил к беседе ни малейшего интереса.

Когда ланч закончился и все поднялись из-за стола, остаться в столовой никто не пожелал. Эмерсоны – Пол, с неизменно кислым выражением лица, и Конни, да простит она меня, выглядевшая в своем халате не лучшим образом, – ретировались в гостиную; Уэбстер Кейн заявил, что ему необходимо поработать, и тоже смылся. Где устроятся остальные, видимо, было уже решено. Под предводительством Сперлинга мы промаршировали по всему дому и наконец очутились в библиотеке – той комнате со множеством книг и биржевым телеграфом, где я выклянчил у хозяина универсальный ключ и откуда позднее звонил Солу Пензеру. Разумеется, Вулф не замедлил оценить обстановку и задержал взгляд на креслах, которые Сперлинг и Джимми составляли полукругом. Зная, что он провел бессонную ночь, я сжалился над ним, тут же завладел самым большим и удобным креслом и поставил его так, как нравилось Вулфу. Тот, усаживаясь, благодарно кивнул, откинулся на спинку, закрыл глаза и вздохнул.

Другие тоже сели, на ногах остался лишь Сперлинг. Когда все заняли свои места, он произнес:

– Итак, вы сказали, что у вас есть оправдание. Мы слушаем.

Глава 7

На протяжении нескольких секунд Вулф оставался неподвижен. Затем он поднял руки, прижал кончики пальцев к векам и опять застыл. Наконец снова опустил руки на подлокотники, открыл глаза и устремил их на Гвен:

– Похоже, вы не глупы, мисс Сперлинг.

– Тут дураков нет! – отрезал ее отец. – Говорите, мы ждем.

Вулф перевел взгляд на него:

– Парой слов тут не обойтись, но что поделаешь. Вам надо знать. Если вы будете меня понукать, то только затянете разговор. Вы стоите во главе большой организации, сэр, а значит, командуете огромной армией подчиненных и, безусловно, понимаете, когда следует давать острастку, а когда – внимательно слушать. Будьте добры, присядьте. Когда я беседую со стоящим человеком, у меня затекает шея.

– Мне надо кое-что сказать, – объявила Гвен.

– Говорите, – кивнул Вулф.

Она сглотнула:

– Просто хочу, чтобы вы знали: я в курсе, для чего вы здесь. Вы подослали этого человека, – она метнула на меня взгляд, сразу продемонстрировавший, на какой стадии нынче находятся наши с ней личные отношения, – чтобы он шпионил за моим другом Луисом Рони, вот и все. – Она снова сглотнула. – Я выслушаю вас только потому, что об этом меня просили родные – мама и сестра, но в моих глазах вы навсегда останетесь мелким, склизким, ничтожным червяком. Если бы мне пришлось зарабатывать на жизнь таким способом, я предпочла бы голодать!

Жаль только, что она не выдала эту речь экспромтом, а отбарабанила заранее приготовленные слова. Назвав Вулфа «мелким» – разумеется, встречайся они раньше, ей бы это и в голову не пришло, – Гвен смазала весь эффект.

Вулф хмыкнул:

– Если бы вам пришлось зарабатывать на жизнь таким способом, мисс Сперлинг, вы бы и так голодали. Спасибо, что все же решили меня выслушать, не важно, по какой причине. – Он огляделся вокруг. – Больше никто не желает высказаться?

– Продолжайте, – сказал Сперлинг, усаживаясь.

– Отлично, сэр. Если вам поначалу покажется, что я отклонился от темы, потерпите. Я хочу рассказать вам об одном человеке. Мне известно, как его зовут, но я предпочел бы не произносить это имя вслух, поэтому назовем его Икс. Уверяю вас, к сожалению, он существует на самом деле. Я не располагаю точными сведениями о том, насколько велики его богатства, однако знаю, что ему принадлежит величественный холм менее чем в сотне миль отсюда, на котором несколько лет назад он выстроил большой роскошный особняк. Он получает доход из разнообразных и многочисленных источников. Все они незаконны, а некоторые просто омерзительны. Наркотики, контрабанда, вымогательство у промышленников и коммерсантов, игровой бизнес, портовый бандитизм, воровство, шантаж, коррупция – список далеко не полный, но способен дать верное представление о его деятельности. Он по сей день совершенно неуязвим для правосудия, ибо вовремя сумел понять, что нельзя вершить свои грязные дела с таким размахом и в течение столь долгого времени и при этом оставаться безнаказанным, если не положить пропасть между собой и своими приспешниками. Помимо проницательности, человек этот отличается необычайными способностями, не гнушается никакими средствами на пути к своей цели и обладает несгибаемой волей.

Сперлинг нетерпеливо заерзал в кресле. Вулф строго посмотрел на него, точно учитель на расшалившегося шестиклассника, затем обвел взглядом остальных слушателей и продолжил:

– Если вам показалось, что я описываю незаурядную личность, то так оно и есть. Как же тогда он ухитряется сохранять огромную дистанцию между собой и своими сообщниками? Существует два способа уличить преступника: первый – выявить его связь с самим преступлением, и второй – доказать, что он сознательно принял участие в дележе добычи. Но в случае с нашим Иксом ни то ни другое невозможно. Возьмем для иллюстрации любое распространенное преступление – начиная от банального карманного воровства или выхваченной из рук сумочки до хорошо подготовленного налета на государственный банк. В большинстве случаев преступник или шайка преступников целиком берет операцию на себя, но что касается проблемы дележа, которая возникает всегда, а также вопроса защиты от разоблачения и судебного разбирательства, полностью избежать которых тоже редко удастся, то тут злоумышленнику не обойтись без взаимодействия с посторонними. Ему может понадобиться скупщик краденого, адвокат, свидетель для обеспечения алиби, свой человек в полиции или политике – словом, не важно, кто именно; но кто-нибудь или что-нибудь ему обязательно понадобится. И он идет к тому, кого знает сам или о ком наслышан. Назовем этого человека А. А, испытав некоторые затруднения, консультируется с В. Заметьте: связь с преступлением уже ослабевает, но В уводит нас еще дальше, потому что обращается за помощью к С. С, также столкнувшись со сложностями, приходит к D. Тут мы приближаемся к завершению, ибо D знает Икса и знает, где его искать.

В Нью-Йорке и его окрестностях каждый месяц совершается не одна тысяча преступлений, от мелких краж до хитроумных афер и жестоких бандитских нападений. В большинстве случаев преступники разбираются со своими трудностями сами либо при помощи А, В и С. Но зачастую им все же приходится обращаться к D, а значит, дело доходит и до Икса. Мне неизвестно, сколько вообще этих D; наверняка немного, потому что Икс проводит долгий и тщательный отбор и суровую проверку кандидатов, прежде чем удостоверится, что D, однажды облеченный доверием, впоследствии ответит ему почти фанатической верностью. Предполагаю, что таких единицы, но даже при всем том я уверен: если D волею обстоятельств решится на измену, окажется, что подобный случай предусмотрен и все меры предосторожности приняты. – Вулф поднял руку. – Смотрите: вот Икс. Кое-кому из преступников, а также некоторым А, В и С даже известно о его существовании. Но эти некоторые не знают, как его зовут. А даже если часть из них догадывается об этом, догадка так и останется догадкой. По оценкам, ежегодный объем денег, вовлеченных в криминальную деятельность в Нью-Йорке и пригородах, составляет от трехсот миллионов до полумиллиарда долларов. Икс в этом бизнесе уже более двадцати лет, и в конце концов к нему, даже после уплаты доверенным лицам и их помощникам, попадает изрядная доля этой суммы. Миллион в год? Полмиллиона? Понятия не имею. Знаю только, что он не всегда платит сообщникам. Несколько лет назад некий человек, близкий к руководству нью-йоркской полиции, оказал Иксу значительные услуги, но я сомневаюсь, чтобы ему уплатили хотя бы цент. Шантаж – один из излюбленных методов Икса. Тот человек, о котором я говорил, оказался перед ним беззащитен.

– Инспектор Дрейк! – вырвалось у Джимми.

Вулф покачал головой:

– Имен я не называю. Между прочим, я сказал: близкий к руководству. – Он снова обвел глазами присутствующих. – Я очень признателен вам за терпение. Без этих подробностей не обойтись. Я уже говорил, что мне известно настоящее имя Икса, но я никогда его не видел. Впервые он возник на моем пути одиннадцать лет назад, когда один офицер полиции пришел ко мне просить совета относительно убийства, которым он занимался. Я из любопытства – роскошь, которую я теперь себе не позволяю, – провел небольшое расследование и обнаружил, что ступил на почву, где нога частного сыщика ощущала себя крайне неуверенно. Поскольку в данном случае я работал не на клиента и обязательствами себя не связывал, то сообщил

полицейскому все, что мне удалось выяснить, и бросил это дело. Тогда-то я и догадался о существовании некоего Икса, но еще не знал, как его зовут.

В течение следующих восьми лет я от случая к случаю наталкивался на следы присутствия Икса, но был занят собственными делами, которые, так уж случилось, его не затрагивали. В начале тысяча девятьсот сорок шестого года я работал на одного человека, и вдруг мне позвонили. Незнакомый голос – жесткий, холодный, четкий, тщательно подбирающий слова – посоветовал мне не слишком усердствовать ради клиента. Я ответил, что буду руководствоваться лишь интересами дела, а не указаниями извне. Голос настаивал, мы еще немного побеседовали, но общего языка так и не нашли. На следующий день я закончил расследование, клиент остался доволен, и вопрос был снят с повестки дня. – Вулф сжал и снова разжал кулаки. – Но я-то отнюдь не был доволен: мне требовалась информация. Сущность дела, которым я занимался, а также одно замечание, сделанное моим собеседником во время телефонного разговора, поставили передо мной вопрос: действительно ли я говорил с самим Иксом? Не желая впутывать в это помощников, которых я часто нанимаю для работы, а тем более мистера Гудвина, я обратился в детективное агентство другого города. Не прошло и месяца, как я получил более чем удовлетворительные сведения и, разумеется, узнал, как зовут таинственного Икса, после чего рассчитал сыщиков и уничтожил их отчеты. Я надеялся, что мне больше не доведется пересечься с Иксом, но... увы! Несколько месяцев спустя – с тех пор прошло чуть больше года – я занялся расследованием убийства, на этот раз – по поручению клиента. Возможно, вы вспомните это дело: человека по фамилии Орчард отравили прямо во время радиоэфира?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.